

ПРОГРЕССЪ И ХРИСТИАНСТВО.

Есть ходячія слова, которыя никакъ нельзя опредѣлить, но которыя имѣютъ какую-то непонятную власть надъ умами. Одинъ англійскій писатель, Лилли назвалъ ихъ библейскимъ словомъ «шиболеть», которое означало въ библии отличие правовѣрныхъ отъ гоевъ, и написалъ чрезвычайно интересную книгу «О шиболетахъ», переведенную на русскій языкъ Побѣдоносцевымъ. Такіе шиболеты имѣются во всякое время и во всякомъ народѣ, во всякой культурѣ, и разъясненіе истиннаго значенія такого шиболета — дѣло не лишенное значенія. Въ прежнее время, сравнительно недавно, не было слова болѣе властнаго, чѣмъ «прогрессъ», и даже опредѣленное значеніе было свяано съ этимъ словомъ. Знаменитые 14 пунктовъ Вильсона должны были удовлетворить именно тѣмъ требованіямъ, которыя ставились во имя «прогресса». Прошло десять лѣтъ съ тѣхъ поръ, но кто станетъ теперь утверждать, что «прогрессъ» осуществился, и что содержаніе его заключалось именно въ томъ, что было формулировано въ 14 пунктахъ Вильсона, и что до извѣстной степени и исполнено? Наоборотъ, именно въ настоящее время человѣчество съ особенной тревогой замѣчаетъ, что очень неблагополучно въ его общественной, государственной и культурной жизни, что тѣ устои добра и блага, къ которымъ привыкли, какъ къ дѣйствительнымъ предпосылкамъ всякаго нормальнаго быта, разваливаются, а другихъ не видно.

Теперь съ восторгомъ читають и слушають Рабиндраната Тагора, который въ своей книгѣ о націонализмѣ вынесъ строгій приговоръ всей европейской машинной культурѣ, задумываются надъ Достоевскимъ, ждуть чего-то новаго отъ большевизма и такъ дал. Очевидно, «прогрессъ» отодвинулся куда-то вдаль.

Что такое прогрессъ? Надъ этимъ вопросомъ думали такъ много и по разному, что одно обозрѣніе мнѣній составляетъ цѣлую литературу. Извѣстно, что въ античную эпоху различали между тѣмъ, что человѣкъ добываетъ новые навыки техники и внѣшней культуры, и тѣмъ, что онъ становится морально лучше. Въ мою задачу не входитъ обозрѣніе соответствующей литературы, которое представлено въ извѣстныхъ историкофилософскихъ трудахъ Карѣева и многихъ позднѣйшихъ писателей. Но такъ какъ Карѣевъ считается серьезно и съ формулами Лаврова-Миртова и Михайловскаго, то я думаю: не лишне припомнить эти формулы, подъ знаменемъ которыхъ жило и русское общество пятьдесятъ лѣтъ назадъ, а отчасти и позже. Совершенно такъ же, какъ эти русскіе властители думъ нѣсколькихъ поколѣній, учили и западно-европейскіе писатели. Вѣдь было время, когда только и говорили объ «эволюціи» того или другого. Вспомните Спенсера, Дарвина, Бокля, Дрепера, Летурно... О чемъ бы ни говорилъ Спенсеръ: о развитіи-ли ума, нравственности, эстетическихъ эмоцій и такъ далѣе, онъ всегда начиналъ съ «первобытнаго» общества, и иногда и дальше, чуть не отъ амебы, точно это «первобытное общество» намъ, дѣйствительно, извѣстно, и точно въ его духовный міръ мы можемъ какъ-нибудь проникнуть. Эта привычка начинать съ «первобытнаго» такъ крѣпко укоренилась въ поверхностномъ изслѣдованіи, которое называлось наукой, что едва-ли она оставлена окончательно и те-

перь, когда послѣ горь изслѣдованій о первоначальномъ и его развитіи мы видимъ, что стоимъ все передъ тѣми же самыми проблемами и съ тѣми же недоумѣніемъ. «Передъ нами опредѣленная задача прогресса — говоритъ Лавровъ: — культура должна быть переработана мыслью»... «Конечно, безъ борьбы между личностями, вѣроятно, не было бы слѣдующаго за ней прогресса; безъ борьбы между національностями едва-ли обобщался бы и распространялся бы успѣхъ цивилизацій» — говоритъ далѣе тотъ же авторъ, давая такимъ образомъ новый ключъ къ разрѣшенію проблемы прогресса: это есть «успѣхъ цивилизаціи». Такъ какъ понятіе цивилизаціи уже болѣе ясно, то мы можемъ отсюда извлечь, что подъ прогрессомъ Лавровъ разумѣетъ именно улучшение внѣшнихъ формъ общежитія. Нравственный придатокъ къ этому улучшенію подразумевался самъ собой: «Критика науки вноситъ въ міросозерцаніе болѣе истины, критика нравственности расширяетъ въ жизни приложеніе науки и справедливости; критика искусства вызываетъ болѣе полное усвоеніе истины и справедливости, придаетъ жизни болѣе стройности, культурѣ — болѣе человѣчнаго изящества...» Правда-ли все это, надъ этимъ поколѣніе Лаврова не задумывалось. «Истина и справедливость» были какъ-то ясны сами по себѣ, а критика нравственности, въ дѣйствительности разлагающая тѣ эмоціи, на которыхъ построено нравственное дѣяніе, казалась необходимымъ постулатомъ нравственности. Все это прошло, и едва-ли теперь кто-нибудь вѣритъ, что дѣйствительно нравственность «эволюционируетъ», жизнь сама собой почему-то улучшается, и «черезъ двѣсти лѣтъ, какъ вѣрилъ Чеховъ, жизнь станетъ прекрасна».

Наше время въ этомъ отношеніи тоньше и разумнѣе. Прежде всего, что значитъ, что жизнь становится будто бы «справедливѣе»? Вѣдь человѣ-

ческая справедливость понятие очень относительное, а о Божьей правдѣ, о высшемъ идеалѣ нравственности теоріи прогресса, обожествляющія челоѣка, не думаютъ. Ни истина въ томъ смыслѣ, какое придавали этому понятію рационалисты, ни какая-то справедливость, ни развитіе «демократіи», въ которомъ тоже долго и упорно видѣли осуществленіе челоѣческихъ идеаловъ справедливости, не приближаютъ жизнь къ тому идеалу «прекрасной», счастливой, для всѣхъ равно счастливой жизни, о которой грезили позитивисты и всяческіе эволюціонисты. Что-то другое нужно, чтобы челоѣчество стало на той высотѣ, съ которой открывается истинно прекрасная жизнь.

Понятіе прогресса, прежде всего, не христіанское. Правда, какъ указываетъ Карѣевъ, ученіе о прогрессѣ связано съ началомъ христіанства, какъ ученія о томъ, что челоѣкъ очищенъ явленіемъ и жертвой Христовой. Но по существу христіанство не есть ученіе о прогрессѣ челоѣчества, и ни въ одномъ словѣ евангелія нельзя найти указанія на то, что оно идетъ по пути «прогресса». Эсхатологія евангелія и отцовъ церкви очень далека отъ радужныхъ предсказаній. Будущее представляется какъ матеріальная побѣда надъ духомъ, именно то, что мы видимъ теперь, потому что рационализмъ, господствующій въ религіозныхъ настроеніяхъ «передовыхъ» народовъ, поскольку, вообще, можетъ быть рѣчь объ эттхъ религіозныхъ настроеніяхъ, есть та же побѣда матеріи надъ духомъ. Евангеліе предугадываетъ забвеніе вѣры Христовой, и если «врата Адова» и не побѣдятъ церкви, то это не значитъ, что Церковь будетъ торжествовать и господствовать въ будущемъ мірѣ. Христосъ не зналъ, сохранится ли вѣра на землѣ во времени Его второго прихода на землю. Стало быть, о «прогрессѣ» Евангеліе и не говоритъ ничего мно-

гообѣщающаго. По самому существу христіанства, понятіе прогресса — въ самомъ широкомъ и какомъ-угодно смыслѣ этого слова — чуждо ему. Прогрессъ предполагаетъ идеаль не осуществленный, а христіанство утверждаетъ, что, напротивъ, этотъ идеаль уже осуществленъ. Своимъ явленіемъ на землѣ Христосъ достигъ того, что было надобно. «Мужайтесь, малое стадо, ибо я побѣдилъ миръ», говоритъ евангеліе. Другими словами, цѣль достигнута. Конечно, это не есть тотъ «земной рай», достиженіе котораго, какъ это прекрасно выяснилъ Новгородцевъ въ своемъ «Общественномъ идеалѣ», написано на знамени социализма да и другихъ рационалистическихъ ученій; — напротивъ, именно земной рай не обѣщанъ христіанствомъ, вслѣдствіе того, что ученіе Христово, какъ это мы знаемъ, не должно побѣдить всѣхъ людей. Никакого пророчества о будущихъ побѣдахъ и успѣхахъ, которое такъ обычно въ религіяхъ человѣческаго происхожденія, нѣтъ въ Евангеліи.

Вѣра въ прогрессъ, какъ обѣтъ осуществленія земного идеала, присуща прежде всего всякимъ мессіаническимъ ожиданіямъ. Прогрессъ, какъ путь къ достиженію этого земного идеала, можетъ рисоваться и дѣйствительно рисуется различно въ зависимости отъ самого идеала: несомнѣнно, что мессіанизмъ польскій (эпохи Мицкевича, Красинскаго и Словацкаго) преслѣдуетъ иную цѣль, нежели мессіанизмъ еврейскій, но между ними, какъ вообще во всѣхъ мессіаническихъ вѣрованіяхъ, есть и много общаго. Это общее состоитъ, какъ въ томъ, что цѣль, которая подлежитъ осуществленію, должна быть осуществлена еще въ будущемъ, и что поэтому это будущее представляется лучшимъ по сравненію съ настоящимъ, такъ и въ томъ, что осуществленіе цѣли мессіаническихъ ожиданій должно произойти на землѣ, въ земной жизни человѣчества. Эти обстоятельства, непре-

мѣнно, должны налагать свой отпечатокъ на земную дѣятельность людей и на ихъ отношеніе къ земной жизни. Если на землѣ же осуществится идеаль мессіаническаго «прогресса», то остается рѣшить вопросъ о томъ, зависитъ-ли отъ усилій человѣческихъ достиженіе этой цѣли. Если зависитъ, и если всякій отдѣльный человѣкъ такъ или иначе воспользуется благами этого достигнутаго идеала, то ради него стоитъ и постараться и всю свою жизнь построить сообразно съ этимъ. Если нѣтъ, т. е., если мессіаническій идеаль будетъ достигнутъ, а «мнѣ», отдѣльному человѣку, жившему въ то время, когда онъ еще не достигнутъ, отъ этого не будетъ ни тепло, ни холодно, то и не для чего «мнѣ» какъ-нибудь коверкать свою жизнь ради чего-то. Если да, то есть, если мнѣ будетъ лучше отъ того, что мой «прогрессъ» будетъ достигнутъ, или если я въ такой степени движимъ патриотизмомъ и націонализмомъ, что счастье моихъ потомковъ ощущается мною, какъ мое личное счастье, то ради этого стоитъ потрудиться и потерпѣть. Это въ томъ случаѣ, если достиженіе мессіаническаго идеала ставится въ зависимость отъ человѣческихъ усилій. Но если не ставится, то онъ все равно осуществится. Мессія все равно придетъ, все равно осчастливитъ свой народъ и дастъ ему могущество и силу и власть. Значитъ, вся задача заключается въ томъ, чтобы дожить до этого времени. Чеховъ говорилъ же, что черезъ столько-то лѣтъ жизнь на землѣ будетъ прекрасна. Сама собой, изъ зла, окружающаго насъ, черезъ насъ, злыхъ, исполненныхъ всякаго зла, зародится прекрасная, справедливая жизнь. Въ этомъ заключается большая моральная опасность всяческихъ ученій о прогрессѣ: они предполагаютъ двѣ опасныя въ моральномъ отношеніи предпосылки. Первая изъ нихъ слѣпая вѣра въ то, что «все образуется» само собой, безъ человѣческихъ уси-

лій къ добру. Глупая надежда на то, что изъ дурного родится хорошее. Вторая глупость — что безъ нашихъ усилій къ добру можетъ осуществиться такой нравственный укладъ, который кажется добрымъ, при томъ въ максимальныхъ рамѣрахъ; то есть на землѣ воцарятся «истина» и «справедливость». Въ земныхъ условіяхъ все относительно и условно. Конечно, справедливо, чтобы каждый получалъ по заслугамъ, но что это значить, «по заслугамъ», какой уравнительный принципъ можетъ быть положенъ въ основу такой оцѣнки? Я считаю, что заслуживаю всякаго уваженія и поощренія за свои заслуги, а другіе утверждаютъ, что у меня и заслугъ-то никакихъ нѣтъ. Кто правъ? А если заслуги и есть, то кто опредѣлитъ, что за нихъ полагается именно эта награда, и на комъ лежитъ обязанность вознагражденія? У насъ при награжденіи чинами и орденами такой «уравнительный» принципъ и былъ: время состоянія въ такомъ-то чинѣ, право получать ордена въ такомъ-то порядкѣ и въ такіе-то сроки. Но развѣ именно потому это и считалось «наградой за заслуги»? Просто была формальность.

Христіанство стоитъ на совершенно иной точкѣ зрѣнія. Для вѣрующаго христіанина идеаль уже достигнуть, источникъ добра и истиннаго счастья уже данъ. Христось-Спаситель уже былъ между нами, и уже исполнилъ ту миссію, ради которой Онъ воплотился «отъ Духа Свята и Маріи Дѣввы». Повѣрили-ли люди въ это или нѣтъ, — это вопросъ совершенно другой. Если бы они и не вѣрили, и если бы на землѣ не осталось ни одного вѣрующаго, это было бы очень печально для земли и, вѣроятно, вызвало бы прекращеніе земной жизни, но, по существу, та «задача», которая стояла передъ Христомъ, ни мало отъ этого не пострадала бы. Христось «п о б ѣ д и л ь м і р ь», міръ въ томъ мистическомъ смыслѣ слова, какъ его употребляетъ

Евангеліе. «Міръ» можетъ не понять Христа, не принять Его, но отъ этого ни Богъ не перестанетъ существовать, ни тѣ истины, которыя принесъ Христосъ, не перестанутъ бть истинами. Пока же есть на землѣ люди, вѣрующіе во Христа, есть и Христосъ между людьми, въ совершенно такой же реальности, въ какой Онъ былъ, когда физически находился на землѣ. И теперь Его слово звучитъ среди насъ, въ церкви и въ нашей совѣсти; и теперь Его чудесная сила творитъ жизнь между насъ: именемъ Его прозрѣваютъ слѣпые, безчисленное множество невидимыхъ, постижимыхъ только сознаніемъ вѣрующихъ людей чудесныхъ случаевъ Божьей помощи происходитъ ежедневно и ежедневно, какъ происходило тогда, когда Христосъ во образѣ человѣческомъ посѣщалъ скромныя жилища людей. Такимъ образомъ, для христіанскаго сознанія «прогрессъ» осуществленъ, и жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка имѣетъ свою цѣль внѣ этихъ мечтаній о прогрессѣ. Для христіанина можетъ идти рѣчь лишь о томъ, какъ осуществить въ практической жизни тѣ начала, которыя вытекаютъ изъ проповѣди Евангелія.

Милліоны разъ человѣчество убѣждало себя въ томъ, что на практикѣ христіанство непримѣнимо, а когда хотѣло представить себѣ его «примѣнимость», то или стояло въ недоумѣніи, или уходило отъ жизни. Толстой закончилъ свое «Воскресеніе» тѣмъ, что его герой Нехлюдовъ, понявъ христіанство, началъ жизнь по новому, а какъ это было «по новому», Толстой не рассказалъ уже. Св. Серафимъ Саровскій совершенно ясно опредѣлилъ цѣль христіанской жизни, какъ пріобрѣтеніе Божьей благодати. Путь къ этому имъ также указанъ, и тѣ люди, которые учили насъ молиться: «Ниспосли намъ благодать Духа Твоего Святого», — несомнѣнно, знали, о какой благодати надо молиться. Слѣдовательно, для христіанина

«проресса» и не можетъ быть, потому что все, что нужно для осуществленія идеала уже дано, это во-первыхъ, а во вторыхъ, ничего общаго, массоваго, стаднаго христіанство и не признаетъ цѣннымъ. Радость на небесахъ по поводу спасенія одной человѣческой души должна быть не меньше, чѣмъ отъ спасенія сотни душъ, потому что, разумѣется, количество не играетъ никакой роли въ мірозданіи и его тайнахъ.

Культура человѣчества должна быть построена на христіанствѣ. Все остальное призрачно. Человѣкъ, вѣрующій во Христа, который полагаетъ, что вся человѣческая жизнь была бы и должна быть построена на христіанскии завѣтахъ, отрицаетъ цѣнность христіанства, если думаетъ, что это невозможно. Въ этомъ случаѣ онъ принижаетъ Христа до роли какого-нибудь Донъ-Кихота, который боролся съ вѣтренными мельницами, и принялъ горничную за знатную даму. Если Хритосъ есть богочеловѣкъ, если Его ученіе есть ученіе Бога, а не человѣка, то оно должно быть истинно, т. е. то, чего требовалъ Хрисосъ отъ людей, можетъ и должно быть осуществлено, и только это будетъ истинно, а все остальное — призракъ, какъ бы это ни казалось реальнымъ и разумнымъ. Все, что не съ Христомъ и не во имя Христово, — противъ Него и безъ Него; въ извѣстномъ смыслѣ, это отъ «міра сего», отъ «князя міра сего», ложь и призракъ. Наблюдая жизнь міра, мы видимъ, что такъ оно и есть, какая масса всяческихъ попытокъ, устроить человѣческую жизнь безъ Христа прошла на глазахъ исторіи, какая масса теорій и религіозныхъ и нравственныхъ ученій, и попытокъ общественнаго и государственнаго устройства прошла передъ человѣчествомъ! И все это творилось во имя «прогресса», а что осталось отъ нихъ? Дымъ, двѣ строки въ курсѣ исторіи, насмѣшка потомка... А та вѣчная правда, которая сіяетъ

въ Евангеліи, сіяеть и теперь, какъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ, и все еще, какъ неосуществленный, но осуществимый идеаль стоитъ передъ человѣчествомъ, а человѣчество все болѣе разочаровывается въ «прогрессъ», и все съ большей тоской смотритъ впередъ. Ни техника, ни «теорія познанія», наконецъ, ни оккультизмъ съ его несбыточными чаяніями и дерзновеніями не вносятъ мира въ души людей, не сіяютъ въ нихъ неугасимымъ свѣтомъ, озаряющимъ жизнь, не текутъ въ душахъ неисчерпаемымъ источникомъ, исполненнымъ всегда свѣжей воды. Однажды Серафима Саровскаго спросили, почему теперь нѣтъ больше святыхъ. Онъ отвѣтилъ: потому, что у людей нѣтъ силы воли. И этотъ отвѣтъ приложимъ и къ вопросу, почему не осуществлена та мораль христіанства, на которой должна была построиться человѣческая культура. Люди убѣждены, къ сожалѣнію, что евангеліе говоритъ очень хорошія вещи, но что онѣ могутъ оставаться въ церкви, во время богослуженія, и не должны выходить за стѣны ея, въ жизнь, а жизнь должна имѣть собственныя законы свои, которые не имѣютъ никакого отношенія къ религіи. Въ быту христіанскихъ народовъ это проведено съ такой послѣдовательностью, какъ ни въ одной другой религіи: мусульманинъ и еврей считаютъ своимъ долгомъ сообразоваться съ требованіями своихъ религій, «христіанинъ» преспокойно рѣшилъ про себя, что практическое примѣненіе христіанства невозможно, и рѣшилъ такъ мало считаться съ его требованіями, какъ онъ мало считается съ наставленіями какого-нибудь пріятеля-идеалиста, котораго пріятно послушать въ добрую минуту, но слушаться котораго и нелѣпо, и невыгодно.

Люди говорятъ о прогрессѣ, полагая, что прогрессъ можетъ какимъ-то удивительнымъ образомъ охватывать всѣ стороны существованія разомъ.

Одновременно будто бы «прогрессирует» человечество и въ физическомъ, и въ нравственномъ, и въ умственномъ, и въ техническомъ и во всякомъ другомъ отношеніяхъ. Течетъ широкимъ потокомъ величественная, великолѣпная рѣка, которая несетъ на себѣ всякія суда: это и есть прогрессъ. На самомъ дѣлѣ, это не такъ, если даже условиться, что такое-то направленіе надо считать прогрессомъ. Напр., если принять, что путь «демократизма» есть прогрессивный (а какъ часто бываютъ совершенно неправильно такое построеніе), то на ряду съ развитіемъ прогрессивной демократичности окажется очень много явленій, которыя и оптимистъ дева-ли признаетъ за «прогрессивныя». Напр., увеличеніе алкоголизма, уменьшеніе законныхъ браковъ, «благословенныхъ» дѣторожденіемъ, а съ другой стороны, скажемъ распространеніе грамотности въ населеніи, улучшеніе внѣшнихъ условій рабочаго и проч. Все это бываетъ иногда тѣсно связано между собой, и какъ здѣсь раздѣлить, что прогрессивно, и что нѣтъ? А, наоборотъ, для христіанскаго сознанія не можетъ быть сомнѣнія въ выборѣ критерія для опредѣленія христіанскаго и нехристіанскаго въ этомъ конгломератѣ культурныхъ явленій.

«Прогрессъ» есть мнимая величина, христіанство — дѣйствительная, а въ современномъ культурномъ человечествѣ, наоборотъ, твердо укрѣпилось убѣжденіе, что реально, дѣйствительно существуетъ и дѣйствительно цѣнно только то, что не имѣетъ никакого отношенія къ религіи, такъ какъ религія есть «частное дѣло» каждаго. Это убѣжденіе есть, несомнѣнно, путь паденія человечества, озвѣрѣнія и огрубѣнія его духовныхъ запросовъ, его умственныхъ вкусовъ, и такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакой надежды, что дѣло измѣнится къ лучшему, и само Евангеліе не открываетъ намъ въ этомъ

отношеніи никакихъ радостныхъ перспективъ. Его эсхатологія полна самыхъ печальныхъ предсказаній, и отцы христіанской церкви, жившіе въ то время, когда, казалось, только успѣхъ ожидалъ христіанство, не заблуждались на этотъ счетъ. Въ этомъ отношеніи они рѣзко отличаются отъ основателей другихъ церквей, которые, видя распространеніе своихъ религій, ждали для нихъ вѣчнаго успѣха и безмѣрнаго распространенія. Напротивъ, именно въ ту эпоху, когда, казалось, передъ христіанствомъ раскрывались такіе широкіе виды, его учителя говорили объ антихристѣ, о неизбѣжномъ будущемъ паденіи человѣчества, о злѣ, которое станетъ торжествовать. Уже это само по себѣ представляетъ замѣчательное явленіе историческаго сознанія.

Христіанство обращается ко всякой человѣческой душѣ отдѣльно, и ко всему человѣческому роду вмѣстѣ. Теоріи прогресса имѣютъ дѣло съ массой: цѣликомъ все человѣчество становится согласно ему лучше, счастливѣе, разумнѣе, однимъ стадомъ оно врывается въ ворота социалистическаго земного рая. Иначе христіанство: внѣ всякаго «прогресса», во всякое время и во всякомъ мѣстѣ оно взываетъ къ отдѣльной человѣческой душѣ, чтобы она одумалась, раскаялась, обратилась къ Богу, и ея спасеніе есть дѣло важное и нужное для всего человѣчества и для всего міра. А праведникъ, въ родѣ святого Серафима Саровскаго, почти нашего современника, хотя онъ и отдѣльно жилъ и отдѣльно творилъ свое дѣло, оказывается такъ безмѣрно нуженъ человѣчеству, что вотъ и теперь мы съ волненіемъ и умиленіемъ слѣдимъ за всѣми подробностями его жизни, хотя отъ его смерти прошло почти сто лѣтъ. И каждый человѣкъ, который прочтетъ его житіе, почувствуетъ, что вотъ это есть реально нужное, что можетъ сдѣлать жизнь дѣйствительно счастливой,

разумной и осмысленной, а развитіе техники и успѣхи знанія дѣлають ее только болѣе удобной, но не отстраняють ни одного несчастья, не вносятъ мира ни въ дну душу.

А. П о г о д и н ъ.

СХС. Земун. Пантелича 10 А.
4 декабря 1927 г.
